

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.0-43

О.Г. Барышникова

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ «МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА» ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.)

Рассматриваются переводческие тенденции, характерные для интерпретации иноязычного научного текста в русской журналистике первой половины XIX в. Формирование научного мышления, отмеченное сохранением синтеза «художественное – документальное», отразилось на восприятии иностранного научного источника в русской периодике названного периода и явилось причиной свойственных и несвойственных данной специфике текста переводческих трансформаций.

Ключевые слова: научная проза; эквивалентность перевода; исторический контекст.

Там, где имеет место перевод, всегда возникает вопрос о полноправности результирующего текста по сравнению с оригиналом. В связи с этим в лингвистической литературе возникали различные характеристики, фиксирующие отношения между исходным материалом и переведенным – тождество, адекватность, равнозначность. В противовес термину «полноценность», предложенному А.В. Федоровым и включающему в себя «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника» [1. С. 125–126], было принято и получило поддержку со стороны ряда исследователей (Л.С. Бархударов, Г. Егер, Н.К. Гарбовский и др.) понятие «эквивалентность», главным условием которой является сохранение инвариантной части, которая несет основную смысловую нагрузку. При том что понятие «эквивалентность» признается одним из центральных не только в лингвистике перевода, но и всего языкознания [2. С. 51], подчеркивается и его относительность – «эквивалентность более идеал, нежели реальность» [3. С. 189]. Существование разных уровней эквивалентности перевода зависит от ряда обстоятельств. Ю. Найда определяет три фактора, влияющих на выбор того или иного уровня эквивалентности: характер сообщения, намерения автора и переводчика, тип аудитории [4. С. 115]. Со слов В.С. Виноградова, эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода и связана с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и другими характеристиками [5. С. 19].

«Московский телеграф» под редакцией Н.А. Полевого был первым в России представителем типа журнальных изданий, содержание которых было рассчитано на образованного читателя – библиографические заметки, критика, переводные и авторские научные публикации, светская хроника. Именно журнал играл тогда роль «главного коммуникатора историко-филологических исследований в стране» [6. С. 76]. Вследствие его энциклопедической направленности исследователи творчества Полевого называют его журнал «подлинным заочным университетом» [7. С. 264]. Несмотря на многоплановость и широту материалов, печатаемых в «Московском телеграфе», здесь все-таки

было выдержано единое направление, четко прослеживалась позиция журнала – популяризация знания.

Особое место в ряду публикаций в «Московском телеграфе» занимают переводные материалы, в частности из Германии. Так, в журнале за 1825 г., часть III, май, № 9 была опубликована статья «Исследование о развалинах Маджарских на реке Куме», автором которой является известный немецкий натуралист и ориенталист Ю. Клапрот. Данная публикация является отрывком из его книги «Voyage au Mount Caucase et en Georgie», переизданной на французском языке в Париже в 1823 г., где в это время ученый жил. Первое же издание этой книги «Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808» вышло в Берлине в 1812 г. на немецком языке. Потребность в переводе этого материала на другие иностранные языки обуславливалась возрастающим интересом к исследованиям такого рода. Это связано с тем, что эпоха романтизма характеризуется повышенным вниманием к Востоку. Ранее эта тема осмысливалась стереотипно, в опоре на ориентальную поэтическую традицию: Восток – это земля обетованная, царство справедливости. Лишь в начале XIX в. в журналах появляются заметки путешественников, этнографические очерки, которые знакомят читателя с настоящим Востоком, его традициями, религией, природой. В связи с этим имя ориенталиста Ю. Клапрота неоднократно упоминается на страницах «Московского телеграфа» на протяжении всего его существования.

Оригинальный источник «Reise...» Ю. Клапрота структурирован как научный труд, включающий в себя многоаспектный анализ собранного материала. Первая часть работы посвящена экспертным оценкам, а также ответам Клапрота на замечания оппонентов. Основная часть смоделирована как последовательное и логичное изложение фактов и актуальных вопросов современности – следование от одного объекта путешествия к другому (например, часть 16 «Путешествие в Георгиевск») переплетается с этнографическими описаниями, представленными в отдельных главах (например, часть 6 «Калмыки и монголы», часть 11 «Домашние богослужения монголов»), и анализом геополитической ситуации (часть 18 «Обзор отношений России с Кавказом и Грузией»). Французское издание «Voyage au Mount

Caucase et en Georgie» представляет собой обработанный, со слов Н.А. Полевого, «с особенным тщанием» вариант оригинала.

Сравнив французское и русское издания с немецким оригиналом, можно отметить, что в обоих случаях очевидна тенденция почти подстрочного перевода первоисточника. Необходимость точного перевода с высокой эквивалентностью объясняется очевидностью своего функционального назначения – передача информации научного характера без искажения сути. Как отмечают исследователи трудов Ю. Клапрота, французский перевод «Путешествия...» курировал он лично [8. С. 22], поэтому значительные погрешности были исключены. Что касается русского перевода, то можно предположить, что его традиционно выполнял сам Н.А. Полевой, который однажды, в предисловии к статье Клапрота «Отчет о книгах о. Иакинфа Бичурина касательно истории монголов, представленной Парижскому Азиатскому Обществу» изложил свои принципы переводов научных статей: «<...> не выпуская ни единого слова из статьи Г-на Клапрота, мы перевели ее со всею возможною точностью <...> Как Г-н Клапрот напечатал при каждой цитате и при каждом слове или переводе, или выговоре, Французскими буквами, то сие сохранено нами со всею точностью, и выговор напечатан буква в букву против Французского подлинника, а переводы в вернейших Русских переводах» [9. С. 513].

Выбор издателем «Московского телеграфа» именно отрывка о Маджарских развалинах обусловлен тем, что это место имеет особое значение для русской истории. Маджары – это золотоордынский город на Северном Кавказе, достигший своего расцвета в VIII–XIV вв., поэтому эта местность тесно связана с именами Мамая, Тохтамыша, Тамерлана. Кроме этого, рассматриваемый период – время интенсивного межнационального общения, в ходе которого Германия активно «осваивала» Россию. Россия для Западной Европы в это время является terra incognita – до середины XVIII в. сведения о России поступают в Германию отрывочно, спонтанно, в виде коротких заметок, представления о русских землях носят разрозненный характер. Главным видом литературы о России в немецкоязычном пространстве являются описания путешествий, которые носят больше субъективный характер, поэтому достоверность информации ставится зачастую под сомнение. Академические экспедиции таких ученых-натуралистов, как Гмелин, Паллас, Клапрот, Рейнеггс, Гюльденштедт, одними из первых формировали представления о России на научном уровне. Ученые трактаты, материалы экспедиций, походные дневники путешественников содержали весьма разнообразный материал: исторические сведения, географические описания с картами, статистические данные.

Публикация «Исследование о развалинах Маджарских на реке Куме» представляет собой научную прозу, явившуюся результатом путешествия автора по Кавказу и Грузии в 1807–1808 гг. и состоящую из двух частей: обзор работ предшественников с элементами критики и изложение своей точки зрения на проблему.

Актуальность выбранной темы связана, по мнению Клапрота, с заблуждениями предшественников, причем внимание акцентируется на глубине этого заблужде-

ния. Характер критических суждений Клапрота в адрес коллег в оригинальной версии варьируется от вполне корректных до достаточно резких и язвительных. Стоит отметить, что в немецком, французском и русском вариантах есть небольшие расхождения в оценке деятельности некоторых исследователей. В переводе при сохранении равноценной синтаксической структуры оказалось не совсем удачным семантическое перефразирование, что сказалось на интерпретации авторской оценки в прочтении переводчика. Так, в отношении историка Шлецера критика в русском варианте приобретает более мягкие, сглаженные черты: «...Шлецер <...> касательно развалин не решает ничего, полагая за лучшее оставить других в нерешимости, нежели говорить не убедившись». Стоит отметить, что в немецком оригинале автор выбирает глагол «sich hüten» (остерегаться). По сравнению с русским вариантом «не решает ничего» с семантикой пространности и неуверенности немецкое и французское предложения приобретают более категоричное значение: *нем.* «<...> hütet sich wohl, die Ruinen von Madshar auch nur mit einem Worte zu berühren, und wollte sie lieber im Dunkeln lassen, als falsch erklären», *досл.*: «остерегается касаться Маджарских руин словом и хотел их лучше оставить в неясности, нежели истолковать неправильно»; *фр.* «Schloetzer parle des Madjars, auxquels il a consacré un article particulier, s'est bien gardé de faire mention des ruines de Madjar, aimant mieux laisser la chose obscure que de parler contre la vérité», *досл.*: «Шлецер говорит о Маджарах, которым он посвящает специальную статью, очень осторожно, предпочитая оставить это неясным, чем выступать против истины».

Достаточно резко и язвительно автор высказывается по отношению к Рейнеггсу: «Рейнеггс, мечтавший, что он все понимает и может изъяснить, говорит, что Маджары были построены Монголами». Но во французском варианте переводчик опускает атрибутивный компонент с негативным оттенком, которым охарактеризовал Рейнеггса Клапрот – *der abenteuerliche Reineggs* (авантюрный, странный Рейнеггс), поэтому, соответственно, в русском тексте он также отсутствует. Критика в адрес Гарбера в русском переводе приобретает спокойный тон: «И так Гарбер первый объявил странное мнение, в последствии везде распространившееся».

В немецком и французском вариантах резкость суждения возрастает за счет использования атрибутива с отрицательной семантикой (*нем.*: *ungereimte Meinung*; *фр.*: *l'opinion absurde* – нелепое, вздорное мнение); *нем.*: «Wie sehen also, dass Gerder der erste ist, welcher die ungerimte Meinung, dass die Ungarn aus Madshar stammen, aufgebracht hat, und durch ihn hat sie sich überall verbreitet», *досл.*: «Итак, как видим, что Гердер был первым, кто нелепое мнение, что венгры произошли из Маджар, объявил, и через него это мнение везде распространилось». Кроме того, усиление негативной оценки в немецком варианте происходит вследствие акцента на субъект действия «durch ihn hat sie sich <...> verbreitet» («через него распространилось»). Оценка работы Палласа в русском переводе звучит, наоборот, острее, с оттенком сарказма, по сравнению с немецким и французским вариантами: «Паллас, вероятно, не очень старательно искал, ибо пишет, что не нашел в Маджарах ни одного

камня с надписью <...>»; нем. «so hat er sich wenig dort umgesehen», *досл.*: он мало осмотрелся; *фр.* «Pallas n'a probablement pas mis beaucoup de soins dans ses recherches», *досл.*: не много приложил усилий в своих исследованиях. Можно предположить, что такие нюансы в переводе связаны с разными позициями автора и переводчика в оценке деятельности названных исследователей. Русский перевод характеризуется очевидным элементом личной вовлеченности переводчика в сферу адаптируемого им текста.

Поездка по Кавказу и Грузии в целом характеризуется высокой пространственной активностью – здесь наблюдается динамичный переход из одной точки в другую, от одного впечатления к следующему. Маршрут путешествия в отрывке, посвященном Маджарам, имеет конечный, четко обозначенный пункт, поэтому структура пространства в большей части статьи представлена точно – наблюдатель (ученый) включает себя в новые реалии и окружает себя событиями, но по отношению к пространству он остается статичным. Тем не менее публикация содержит элемент, предопределяющий обязательную структуру путешествия, – описание самого маршрута. Важность подробного воссоздания пути до конечного пункта обусловлена необходимостью точного местонахождения развалин, поскольку временная разница между экспедицией Гарбера (1728), Гмелина (1772) и Клапрота (1807) достаточно большая, и ландшафт исследуемой местности подвергался серьезным изменениям. Стоит отметить, что в русской версии было допущено смещение акцента, которое более соответствовало намерению переводчика: «Кума, река, течет сначала между горами, а потом, при подошве их. <...> Здесь видны также развалины большого города <...> Место это обыкновенно называется Маджары».

Оригинальный немецкий текст содержит следующую информацию: «Der dritte ist der Fluss Kuma, welcher erstich zwischen, und hier nächst neben den Gebirgen hinläuft...», *досл.*: «Третья – это река Кума, которая сначала между, а затем около гор протекает». Тот же перевод у французского варианта: «La troisième rivière est la Kouma...». Из примера видно, что для автора Кума – это одна из рек в ряду перечислений, для переводчика на русский язык – это ключевой объект рассмотрения. Далее у Клапрота следует: нем. «Man nennt sie gegenwärtig Madschar»; *фр.* «On l'appelle maintenant Madjar», *досл.*: «ее называют теперь Маджары». Сравнив эту фразу с русской «Место это обыкновенно называется Маджары», можно заметить, что авторы немецкого оригинала и французского издания уточнили действие темпорально и проецируют его на конкретный временной отрезок – настоящее время. В русском переводе слово «обыкновенно» полисемантически и имеет, с одной стороны, вневременную характеристику, обозначающую протяженное, повторяющееся действие, с другой стороны, оно указывает на качественную составляющую действия. Так в русском переводе слово подчеркивает связь пространства с древностью, с историей.

Описывая свой маршрут, Клапрот дополняет его сведениями этнографического характера: «Верст пять дорога лежит между кустарниками, <...> до Обильной,

деревни на левом берегу Кумы. <...> Эта деревня населена раскольниками особенной секты: их называют Субботниками». Оригинальный и французский варианты снабжены подробной информацией, объясняющей суть секты – взаимоотношения членов секты между собой, уклад, экскурс в историю создания, в русском переводе эта информация опущена. Название секты не упоминается как в немецком, так и во французском вариантах. Клапрот обозначает ее как неизвестную: нем.: «Dies Dorf, so wie viele andere an der Kuma, wird zum Teil von Bauern bewohnt, die sich zu neuen noch bisher unbekanntten christlichen Sekten bekennen, welche die Dreineinigkeit verwerfen», *досл.*: «Эта деревня, как и многие другие на Куме, частью населена крестьянами, которые являются приверженцами неизвестных пока что христианских сект, которые отвергают Троицу». Вплетение экстралингвистической ситуации в переводной контекст объясняет конкретизацию в названии секты в русском варианте. Переводчик адаптирует иноязычный текст, ориентируясь на свою читательскую аудиторию, на ее социокультурный уровень. Это означает, что, возможно, концепт «субботники» уже сложился для русской культуры, и было бы излишне сохранять текст в оригинальной версии. Сокращение текста на уровне этнографических описаний можно объяснить также целевыми установками переводчика (предположительно редактора «МТ»): его основное внимание концентрируется вокруг историко-археологических проблем данного региона. Об этом свидетельствует и отсутствие в результирующем тексте наблюдений автора-натуралиста относительно местной флоры.

При достижении цели путешествия пространство теряет свою динамичность. На фоне его неподвижности на первый план выходит образ времени. Перенос из реального времени в прошлое осуществляется посредством статичных объектов – памятников культуры, поэтому особое положение занимают исследования археологического характера, т.е. непосредственно осмотр развалин, поиск сведений, исторических источников. Лейтмотивом подробного описания строений, их расположения звучит разочарование и боль по поводу удручающего состояния объекта исследования. Историко-археологические исследования имеют свою специфику – на объекты изучения воздействуют разные губительные факторы. Одним из таких факторов являются время и погодные условия, которые действуют при любых обстоятельствах и стирают любую информацию: «Строения, окружающие внутреннюю площадь в городе, все разрушены <...> Видно, что они были построены из нетвердого кирпича и даже из сырой глины <...>». Переводчик, указывая на одну и ту же ситуацию, использует другой прием и заменяет пассивной формой «строения... разрушены» авторскую немецкую конструкцию «die Gebäude sind jetzt alle Schutthaufen» (*досл.*: здания сейчас все кучи обломков), которая ориентирована на сиюминутное зрительное восприятие в противовес аналитическому заключению перевода.

Определение города как «разоренный» можно понимать в разном контексте (войны, время), но одной из главных причин разрушения в тексте называется раз-

грабление с целью наживы: «Русские крестьяне роют везде, где только есть развалины и древние гробы, и после них едва ли что същещь». При всей негативности действия русская версия звучит гораздо мягче по сравнению с немецким и французским вариантами: *нем.*: «<...> weil die Habsucht der Russischen Bauern überall, wo Ruinen und alte Gräber sind, durch Rachgraben nichts zu finden übrig lässt»; *фр.*: «en effet, l'avidité des paysans russes, qui fouillent par-tout où il y a des ruines et des tombeaux antiques, n'a rien laissé à découvrir», *досл.*: «<...> так как жадность русских крестьян повсюду, где руины и старые могилы, не позволяет ничего найти». Резкость высказывания здесь усиливает употребление черты характера с явно отрицательной семантикой.

Путешествие Клапрота как научный труд характеризует привлечение большого количества работ предшественников. Так, автор приводит цитату из работы почетного члена Российской академии наук польского графа Яна Потоцкого, посетившего Маджары во время экспедиции в 1798 г., обеспечив, таким образом, резкий контрастирующий переход от бесстрастной научной констатации фактов к личной эмоциональной составляющей. Восприятие чужих реалий исключительно через призму собственной культуры влечет за собой довольно резкий тон высказывания: «Не понимаю, как могут жить змеи на таком сухом и возвышенном месте, но шагу сделать нельзя без того, чтобы не попало это ужасное пресмыкающее!» В немецком варианте автор называет змей «angenehme Kreaturen» – «приятные твари», что придает повествованию слегка ироничный тон. Очевидно, переводчик на французский язык уловил этот тон, но, тем не менее, уже употребил более стандартное словосочетание reptiles pideux «ужасная рептилия», адаптируя тем самым текст во избежание искажения смысла. Змеи и тарантулы здесь – олицетворение атмосферы нищеты и безысходности, в которой оказались участники экспедиции. Их ощущение страха и ужаса передают дальнейшие события: «Вечером появилось множество волков: они выли и приводили в трепет собак – единственное охранное войско старинной крепости».

В оригинальном немецком тексте автор снова иронизирует и называет волков «andere Gäste» – «другие гости», а количественная характеристика в русском варианте «множество волков» в оригинале звучит как «heulende Wölfe» – «воющие волки», что придает повествованию более динамичную окраску. Французский вариант по сравнению с немецким и русским оказался нейтральным: «Le soir arrivèrent des loups» – «вечером пришли волки». Резюмируя свои впечатления от путешествия, Потоцкий опосредованно выходит на диалог с читателем: «Не советую долго оставаться в Джид-Хаджи меланхолику: бедность обитателей, неизмеримые степи и сборище змей и волков делают сии развалины ужаснейшим местом в свете». Русский вариант «сборище змей и волков» является полностью эквивалентным французскому «l'affluence des serpens et des loups» – обилие змей и волков. Стоит отметить, что в оригинальной немецкой версии автор, конкретизируя свои ощущения через использование субстантивированных глаголов семантики звукоподражания, придает контексту некоторую эмоциональную насыщенность и

особую окрашенность в восприятии: «dies Zischen der Schlangen und Heulen der Wölfe» – это шипение змей и вой волков.

Наряду с описанием памятников архитектуры в исследовании Клапрота запечатлены моменты непосредственной деятельности археолога. Детальное воссоздание картины действий придает результирующему тексту оттенок приключенческого романа: «Здание, как заметно, имело вход с Востока. Пол его был на два фута завален щебнем и землей. Мы сняли весь этот хлам, нашли свод и в нем отверстие. <...> Внизу на кирпичном помосте нашли мы гроб <...>». В немецком оригинале и во французском переводе впечатление живого присутствия не возникает, поскольку автор использует пассивные, безличные конструкции, что более соответствует стилистике научного текста: *нем.*: «Der vertiefte Boden dieses, von der Ostseite ganz offenen Gebäudes, lag über zwen Fuß hoch voll Ziegel, Schutt und Erde, die mit Schaufeln weggeräumt wurden», *досл.*: «Углубленный пол этого с восточной стороны совсем открытого здания находился полным на два фута кирпичей, обломков и земли, которые были убраны совком»; *фр.*: «<...> tout ayant été écarté avec la pelle», *досл.*: «<...> все это было убрано лопатой».

При сравнительном анализе переводов выяснилось также, что в русском переводе часто наблюдается утрата атрибутивного компонента, например, *нем.* «dauerhafte Häuser» (прочные, долговечные дома) – *рус.* дома; *нем.* «schöne Karte» (прекрасная карта) – *рус.* карта. При использовании синонимов в переводе на русский язык используется прием лексического развертывания: «Четыре донные существующие башни, сделанные из кирпича, как Астраханские стены, кажется, построены после, ибо глиняный раствор, на коем они кладены, не может сравниться с древним Татарским цементом»; *нем.*: «Die vier Türme, die noch da stehen, sind neu, und wie die Mauern von Astrachan, aus alten Backsteinen erbaut. Beweise ihrer Neuheit sind: der Kitt, der nur ein schlechter Ton und dem alten Tatarischen Kitt gar nicht zu vergleichen ist <...>»; *фр.*: «Les quatre tours qui existent encore aujourd'hui, sont neuves et bâties enrique, comme les murs d'Astrakhan <...>», *досл.*: «четыре башни, которые там стоят, новые, и, как и стены Астрахани из старого построены. Доказательства их новизны: раствор, который только плохая глина и не может сравниться с древним татарским раствором <...>».

Синонимом оригинальному «neu» (новый) является пассивная конструкция, обращенная в план прошлого («кажется, построены после») и осложненная семантикой сомнения. В данном случае стремление переводчика упростить текст на уровне синтаксиса путем объединения двух предложений в одно со значением причины привело, напротив, к отягощению громоздким построением фразы.

В некоторых случаях переводчик (в данном случае на французский и, соответственно, на русский) допускает деформацию синтаксической оригинальной конструкции, исключая, таким образом, эмоциональную насыщенность контекста, например: «...строения, мною описанные и находящиеся на краю города, не гробницы, как полагают некоторые: это доказывается тем, что гробницы находятся, как я сказывал выше,

отдельно во дворах строений»; *фр.*: «Les édifices d'une architecture plus solidé qui se trouvent aux extrémités de la ville, ne sont pas des tombeaux, ainsi que l'ont prétendu quelques écrivains; les cimetières particuliers dans chaque cour offrent la preuve du contraire»; *нем.*: «Die an dem Rande der Stadt befindlichen festeren Gebäude waren gewiß nicht Todtengrüfte, wie Einige wollten; wozu sonst die besonderen Begräbnisse auf jedem Hofplatz?», *досл.*: «На окраинах города находящиеся прочные здания не были склепами, как хотели некоторые; зачем иначе особые захоронения на каждой дворовой площади?». Риторический вопрос, поставленный Клапротом («зачем иначе захоронения...»), моделирует ситуацию опосредованного диалога с читателем, стремление быть понятым. Следующий пример выдает также экспрессивную натуру автора и желание переводчика сохранить контекст в рамках научной стилистики: «<...> Следовательно, Монголы обитали в степях при-Кумских с самых древнейших времен и говорили новым Персидским и вместе Турецким языком? <...>»; *фр.*: «Des Mongols auraient donc habité la steppe de la Kouma avant l'érec hrétienne; ils auraient parlé le persan moderne et le turc en meme temps!»; *нем.*: «Also Mongolen in der Kumaischen Steppe vor Christi Geburt! Die Neupersisch und Türkisch zu gleicher Zeit Sprachen!», *досл.*: «Итак, монголы в Кумских степях до Рождества Христова! Новоперсидский и турецкий языки в одно время!». Особая эмоциональная окрашенность оригинальной немецкой версии повествования проявляется на уровне синтаксиса – помимо восклицания недоумение и удивление автора переданы отсутствием сказуемого, что не характерно для немецкого предложения.

Журнал в России начала XIX в. являлся популяризатором научных мыслей, источником которых часто

служили публикации в зарубежных изданиях, большую часть из них составляли книги и периодика из Германии. При переводе немецких текстов на русский язык достигалась максимальная смысловая близость оригинала результирующему тексту, что объясняется схожестью лексического состава языков, общностью их грамматического строя, что, в свою очередь, влечет использование в переводе аналогичных синтаксических структур и обеспечивает, таким образом, инвариантное значение оригинала и перевода.

Кроме этого, сама специфика перевода научного текста подразумевает коммуникативно наиболее равноценную передачу с одного языка на другой, поскольку именно качество перевода играет решающую роль в формировании мировоззрения читателя. Достигая максимальной смысловой близости оригинала и перевода, переводчик в целях сохранения текста в рамках научной стилистики гасит авторскую чрезмерную экспрессивно-эмоциональную тональность, используя адекватные замены на уровне синтаксиса (из активного залога в пассивный, полноценное предложение вместо усеченного), а также семантически равные эквиваленты. В то же время переводчик, интерпретируя текст, допускает стилистические трансформации, не свойственные научному стилю. Причиной тому может быть стремление автора перевода адаптировать текст согласно интересам читающей публики и сделать его более привлекательным.

Возможно, подобные стилистические колебания свидетельствуют о том, что научное мышление в XIX в. продолжает, по мнению исследователей, сохранять черты эстетического и этического, не выработав еще окончательно специфического языка и стиля [10. С. 162].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 125–126.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 51.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод // Вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 189.
4. Найдя Ю. К науке переводить // Вопросы теории и перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 115.
5. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: КДУ, 2004. С. 19.
6. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. С. 76.
7. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1: XVIII – пер. пол. XIX в. Л., 1950. С. 264.
8. Walravens H. Julius Klaproth (1783–1835). Wiesbaden: Leben und Werk, 1999. С. 22.
9. Московский Телеграф. 1831. Ч. 38, № 7. С. 513.
10. Стеценко Е.А. История, написанная в пути (записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. С. 162.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 октября 2012 г.